

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «РОЛЬ РЕЛИГИЙ В ИСТОРИИ»

РУСЬ ЭПОХИ ВЛАДИМИРА ВЕЛИКОГО: ГОСУДАРСТВО, ЦЕРКОВЬ, КУЛЬТУРА

Материалы Международной научной конференции
в память тысячелетия
кончины святого равноапостольного князя Владимира
и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба,
Москва, 14–16 октября 2015 года

Ответственные редакторы
Н. А. Макаров
А. В. Назаренко

Москва – Вологда

2017

УДК 94(47).025

ББК 63.3(2)41

Р89

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного обществом «Знание» России.

Ответственные редакторы: Н. А. Макаров, А. В. Назаренко.

В оформлении обложки использованы: икона «Святые князья Владимир, Борис и Глеб, с житием Владимира» из собрания Вологодского государственного музея-заповедника (середина – третья четверть XVI в., инв. № 6330); икона «Князь Владимир» из собрания ГТГ (первая треть XV в.).

В оформлении шмуцтитлов использованы фотографии А. Я. Лаврентьева из книги «Русь в IX–X веках: археологическая панорама» (М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 2, 419): с. 10–11 – златник Владимира Святославича, с. 278–279 – сребренник Владимира Святославича из собрания ГЭ.

Р89 Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура : материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. / Рос.Акад. наук, Ин-т рос. истории, Ин-т археологии, Науч. совет «Роль религий в истории» ; отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2017. – 551 с.: ил.

ISBN 978-5-93061-106-9

Сборник составляют статьи историков, филологов, археологов, искусствоведов, написанные на основе докладов юбилейной Свято-Владимирской конференции, которая была проведена Российской Академией наук в 2015 г. Они охватывают все стороны государственного, церковного и культурного строительства Руси эпохи крестителя Руси князя Владимира (X – середина XI в.). Еще один раздел сборника посвящен работам о формировании в русском культурном сознании образа Владимира Великого как просветителя, строителя и небесного охранителя Руси, естественным результатом чего стало церковное прославление св. Владимира.

Для специалистов по истории Древней Руси и всех, интересующихся современным состоянием исследований в этой области.

УДК 94(47).025

ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93061-106-9

© Институт Российской истории, 2017

© Институт археологии, 2017

© Авторы статей, 2017

© Оформление. ООО НИЦ Древности Севера», 2017

А. С. Щавелев

«Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в.

Ключевая проблема реконструкции истории создания державы Рюриковичей¹ и особенно истории покоренных ими славянских общностей, условно называемых «племенами», – это дефицит исторической информации. Именно от правильной оценки характера и степени этого дефицита зависят наши итоговые построения и наше понимание траектории ранней истории Руси. Причем речь идет о дефиците тройного рода. Во-первых, это дефицит *данных* письменных источников как *таковых* вне зависимости от степени их достоверности. Во-вторых, это дефицит *данных* первичных и *достоверных*, то есть прошедших источниковедческую проверку. Наконец, в-третьих, есть дефицит *верифицируемых данных*, то есть совпадающих в разных независимых текстах, никак не связанных с нарративом раннего летописания². Отделение достоверных известий

¹ Определение С. В. Бахрушина, восходящее к К. Марксу, – «держава Рюриковичей» (Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3). С. 88–98) – наиболее подходит для политики, которая создавалась вокруг Киева и Новгорода династией князей, возводящей себя к Рюрику. Эта политика еще не была ни *государством* в точном терминологическом значении (Claessen H. J. M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology / ed. by D. Levinson, M. Ember. New York, 1996. P. 1253–1257; Автономов А. С., Попов В. А. Государство // Попов В. А. Алгебра родства и власти. Исследования по антропологии родства и политической власти. М., 2014. С. 246–255), ни единственно возможной «Русью». Ведь будущая Русь могла равным образом образоваться и вокруг Полоцка, и вокруг Чернигова, и в иных, самых различных, историко-географических формах: Щавелев А. С. Известие Ипатьевской летописи о Черной могиле (к вопросу об имени погребенного князя) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 100–106; Он же. Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5(13): Начала Древнерусского государства. С. 70–74. Электронный ресурс: доступ для зарегистрированных пользователей: URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/chernigovskaia-rus.html> (дата обращения: 15.06.2016).

² Обзоры источников по истории славян Восточной Европы см.: Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums / Unter Mitwirkung von U. Kälin. Darmstadt, 1992. S. 38–47; Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // SSBP. 2015. № 2 (18). С. 99–133.

от сомнительных и элиминирование откровенно недостоверных должно непременно предшествовать исторической реконструкции.

Все имеющиеся письменные источники, содержащие информацию о расширении державы Рюриковичей, сфокусированы исключительно на Киеве и его окрестностях. Далеко не весь спектр действий князей Рюриковичей и их воевод, а его совсем малая часть отразилась в этих источниках. Мы можем лишь фиксировать некоторые тенденции кристаллизации территориальной структуры и приблизительно реконструировать логику географического расширения границ будущей Руси.

В историографии с XVIII до начала XXI в. господствовала, так сказать, алгебраически-прогрессистская модель описания роста территорий Руси. Этот процесс описывался исключительно как прямолинейное приращение территории вокруг Киева, «племня» за «племенем»: происходило простое суммирование всех известных Повести временных лет (далее – ПВЛ), Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛМИ) и других источников. Один раз «присоединенное» «племя» навсегда «закреплялось» за Русью. Прямые известия о неоднократных военных действиях трактовались как «подавление восстаний» и, в общем, незначимые инциденты отклонения от основного процесса «строительства государства»³. Очевидный из раннего летописания «племенной» сепаратизм, конечно, признавался, но трактовался тоже скорее арифметически: Рюриковичи присоединили «племя», оно отделилось, его *сразу* опять присоединили, периоды же независимого существования после освобождения не предусматривались как возможный вариант развития событий, их длительность даже приблизительно не оценивалась.

Только в некоторых исследованиях делался акцент именно на длительной конкуренции славянских общностей и разных объединений руси (русов, росов) с державой Рюриковичей. В этих работах было наглядно показано, что славянские «племена» развивались параллельно и вопреки державе Рюриковичей, завоевательная политика которых была направлена на их подчинение и уничтожение⁴. Как было замечено С. В. Бахрушиным, «племена» славян «отпадают при первой возможности... каждый новый князь начинал свое правление с того, что

³ См. последние работы: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 133–135, 178–189; Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 24, 58–76; Он же. Первое столетие Руси // СР. 2010. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. С. 62–73.

⁴ Фроянов И. Я. О событиях 945–946 гг. в Древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Проблемы археологии и этнографии. СПб., 1993. Вып. 4: Историческая этнография. Межвузовский сборник. С. 100–122; Милютенко Н. И. Древлянская земля в IX–XI вв. (по летописным источникам) // Старожитності Південної Русі. Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округ». Чернігів, 1993. С. 161–166; Григорьев А. В., Сарычев И. В. О времени гибели роменской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5. С. 341–353; Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 4–7, 173–299.

приводил опять в подчинение племена, входившие при его предшественниках в состав державы»⁵.

В большинстве исследований долгое время считалось, что за каждым «племенным» этнонимом стоит обязательно *территориальная этнокультурная* или *политическая* общность-денотат, иные варианты не рассматривались⁶. Для адекватного же понимания процесса завоевания славянских территорий была крайне важна вполне убедительно исторически и археологически обоснованная идея разнотипности и разноуровневости (по масштабу, типу идентичности и сложности потестарно-политической организации) общностей – объектов агрессии Руси. После специальных изысканий на эту тему стало ясно, что поляне и уличи были небольшими локальными группами (общинами); древляне – крупным вождеством; северяне – развитым племенем (в терминологическом политико-антропологическом значении) уровня вождества; кривичи – этнокультурной группой; словене, видимо, – этносоциальной группой; а определить локализацию и тип социально-политической организации дреговичей, бужан, волынян и радимичей совершенно невозможно ни исторически, ни археологически⁷.

Информация о процессе присоединения славянских территорий к «державе Рюриковичей» есть в раннем древнерусском летописании и древнерусских литературных памятниках XI–XII вв.⁸, византийском трактате «Об управлении империей» (окончательная редакция датируется 948–959 гг., автор идеи трактата – византийский император Константин VII Багрянородный (905–959 гг.))⁹ и косвенно в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа (правил

⁵ Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей... С. 95.

⁶ Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // ЛХ, 1973: Памяти А. Н. Насонова. 1974. С. 103–110.

⁷ Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет в связи с задачами восточнославянского глоттогенеза. М., 1979; Шинаков Е. А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 303–347; Конечный В. Я. «Древнерусские летописные племена»: проблема интерпретации (на примере ильменских словен) // Новгород в культуре Древней Руси. Материалы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 75–83; Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. М., 2014. С. 16–42. В этих работах интерпретации разных этнонимов расходятся, по-разному трактуется и соотношение этнонимов и общностей-денотатов. Мы даем определения типа общности по нашей статье: Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 120.

⁸ См. подробней: Лукин П. В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 257–285.

⁹ Bury J. B. The Treatise De Administrando Imperio // BZ. 1906. № 15. P. 517–577; Howard-Johnston J. The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Nersisyan et C. Zukerman. (Réalités Byzantines, 7). Paris, 2000. P. 301–336.

примерно в 930–960 гг.) еврейскому сановнику при дворе испанских халифов из династии Омеядов Хасдаю Ибн Шапругу (ок. 915 – ок. 970 гг.) из еврейско-хазарской переписки, датируемой 950 – началом 960-х гг.¹⁰

Основной массив информации о покорении славянских общностей Восточной Европы сосредоточен в летописном описании деяний первых князей, которое дошло до нас в двух вариантах¹¹ – более раннем варианте НПЛМИ, отразившей Начальный свод (далее – НС) 90-х гг. XI в., и ПВЛ начала XII в.¹². И ПВЛ, и НС несут в себе переработанный текст самого раннего (пред-)летописного памятника первой половины – середины XI в. – Сказания о первых русских князьях (resp. Древнейшего свода, в терминологии А. А. Шахматова, далее – СПРК-ДС)¹³. При прочих равных условиях, в случае невозможности согласовать данные ПВЛ и НПЛМИ, преимущество большей достоверности имеют известия НПЛМИ, как отражающие более ранний НС и в целом лучше сохранившие текст СПРК-ДС¹⁴.

Текст СПРК-ДС стал «нарративной основой», «ядром» раннего летописания. Этот текст не имел погодной сетки и был основан на последовательности князей и их воевод, то есть на событийно-генеалогической относительной хро-

¹⁰ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98–100. О переписке и текстах других писем Хасдая см.: Mann J. Texts and Studies in Jewish History and Literature. Vol. 1. N.Y., 1972. P. 3–30.

¹¹ О роли этого текстологического наблюдения при реконструкции ранней истории Руси прозорливо писал С. В. Бахрушин (Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей... С. 88–89; Он же. К вопросу о достоверности Начального свода // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1987. С. 15–16, 23–25).

¹² См. современную схему развития раннего летописания: Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 36–62; Gippius A. A. Reconstructing the Original of the Povest' Vremennykh Let: a Contribution to the Debate // RL. 2014. Vol. 38. P. 341–366.

¹³ В своем докладе на конференции «Эпоха Владимира Святого: государство, церковь, культура» А. А. Гиппиус отказался от идеи датировки СПРК-ДС концом X в., признав правоту А. А. Шахматова, относившего дату ДС ближе к середине XI в. Ранее А. А. Гиппиус отказался от своих квантитативно-лингвистических аргументов в пользу ранней датировки ДС, которые убедительно опровергла О. Б. Страхова: «отсутствие новых форм аориста в восстанавливаемом мною нарративном ядре ПВЛ действительно не может быть основанием для датировки этого текста временем до середины XI в.» (Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игорев...» – 3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. 2009. Vol. XVII. № 2. С. 250). Практически всю остальную критику О. Б. Страховой А. А. Гиппиус вполне убедительно дезавуировал (ср.: Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игорев...» – 3... С. 248–287; Страхова О. Б. «Рекоша дружина Игорев...». К статье А. А. Гиппиуса // Palaeoslavica. 2008. Vol. XVI. № 2. С. 217–258).

¹⁴ См. примеры: Бахрушин С. В. К вопросу о достоверности... С. 24–26; Стефанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // НИС. 2008. Вып. 12 (22). С. 5–35; Он же. Древлянская дань киевским князьям // «По любви, вь правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. М., 2014. С. 19–74.

нологии¹⁵. Хронологические сетки раннего летописания (и НПЛМИ, и ПВЛ) – результат позднейшей реконструкции летописцев. Относительная событийно-генеалогическая хронология была искусственно «размазана» по слишком широкой для нее хронологической шкале, а также удревнена во вторую половину IX в. (после 6360 / 852 г.). На самом деле завоевания славянских «племен» киевскими князьями, начиная с Олега и Игоря, происходят, условно говоря, после 900 г. – в X в.¹⁶. В результате даты жизни (рождения, свадьбы и похороны) ключевых персонажей летописного нарратива оказались крайне неправдоподобными. Помещение же деяний первых Рюриковичей в X столетие сразу же снимает большинство противоречий генеалогического и общеисторического плана.

Списки «племен» в космографическом («библейско-хронографическом») введении ПВЛ и в описаниях походов на Византию, являющихся частью «обрамления» договоров русских князей с византийскими императорами, введены в летописный текст на этапе создания ПВЛ, то есть эти литературные конструкции, созданные с определенными идеологическими целями, принадлежат самому позднему этапу раннего летописания. Списки «племен» в описаниях походов на греков явно составлены из этнонимов, которые были упомянуты в летописном нарративе ранее. Причем один из списков включает в себя даже дулебов, которые, согласно раннему летописанию, уже исчезли и никогда не фигурировали ни в одном другом описании ранней Руси¹⁷.

¹⁵ Бахрушин С. В. К вопросу о достоверности Начального свода... С. 15–35; Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игореву...». К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *RL*. 2001. Vol. 25. С. 147–181; Он же. «Рекоша дружина Игореву...» – 3... С. 248–287; Он же. До и после Начального свода... С. 50–54. Даже А. И. Соболевский, не принимавший схемы раннего летописания А. А. Шахматова, признавал, что НПЛМИ несет в себе текст некой особой Летописи киевских князей, которая была составлена до XIII в. и «была относительно коротка и суха». А. И. Соболевский считал соотношение этой Летописи киевских князей (= НС у А. А. Шахматова) и Начальной летописи (= ПВЛ) хронологически обратным, но поддерживал идею отражения в НПЛМИ оригинального древнего текста (Соболевский А. И. Древняя переделка Начальной летописи // *ЖМНП*. 1905. Ч. 358. Март. С. 102–105).

¹⁶ Бахрушин С. В. К вопросу о достоверности... С. 16–18; Sorlin I. Les premières années byzantines du Récit des temps passés // *Revue des études slaves*. Paris, 1991. T. 63, fasc. 1: Rus' de Kiev et Russie muscovite. P. 9–18; Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // *Les centres proto-urbains russes...* P. 114–116; Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // *У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища. Историко-археологический сб.* СПб., 2007. С. 332–351. Письменные источники не дают нам никаких ориентиров для точной датировки захвата Олегом и Игорем Киева. Ясно только, что к 2 сентября 911 г. – дате договора Руси и Византии – Олег уже был князем в Киеве. Признание древнейшей части хронологической системы летописи в целом позднейшим конструктом не исключает, конечно, наличия в тексте летописи отдельных достоверных дат, аутентичность каждой из которых должна устанавливаться специально.

¹⁷ Горский А. А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // *ВЕДС*. 2002. Вып. 14: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. С. 51–53; Он же. Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // *Ad fontem. У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова*. М., 2005. С. 147–152.

Рассказы о походах на славянские «племена» первых киевских князей от Олега и Игоря Рюриковича до Владимира Святославича фактически являются одной из основных тем СПРК-ДС, который, в свою очередь, передает в переработанном виде устные традиции скандинавов-руси и славян¹⁸, поэтому именно их анализ должен быть положен в основу исторической реконструкции. Известия о «племенах» как объектах экспансии первых князей Рюриковичей, описанной в СПРК-ДС, могут претендовать на высокую степень достоверности, и именно они частично подтверждаются параллельными источниками¹⁹.

Иными словами, информация Введения ПВЛ априори менее достоверна, чем информация из «ядра» летописания, а информация из списков племен при описании походов на Византию в принципе недостоверна и должна быть элиминирована из исторических реконструкций.

Славянские общности в раннем летописании устойчиво обозначаются термином «земля», который, как показал А. А. Горский, прилагался в древнерусских текстах к независимым политиям самого разного масштаба и географического расположения («Русская земля», «Греческая», «Лядская», «Польская», «Ромейская», «Словенская», «Деревская» и др.)²⁰. «Земля» в древнерусских памятниках, по Горскому, это – «государство в целом»²¹. Но сам Горский искусственно разделил этот список «земель» на «настоящие государства» и славянские «догосударственные общности», к которым термин «земля» применен летописцами якобы ошибочно, однако такой подход противоречит логике рассматриваемых текстов и является результатом проекции априорных представлений исследователя о том, как «должно было быть», а не вытекает из логики его собственного анализа источников.

Исключение составляет единственный список НС (НПЛМИ) «варяги, поляне, словене и кривичи» (НПЛ. С. 108), но и он только обобщает упоминания «племен» в предшествующем рассказе о завоеваниях Олега и Игоря. Идея о том, что эти перечни участников походов руси составлены на основе информации каких-то глосс и примечаний из византийских копийных книг, в которых содержались копии договоров, пока не имеет никаких даже самых шатких доказательств, ведь тексты договоров на уровне грамматики и лексики явно несут в себе следы перевода с греческого, а сопутствующие летописные тексты «конвоя» договоров никаких таких следов греческого оригинала не содержат.

¹⁸ Мельникова Е. А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типе устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 153–165; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2001. С. 172–189; Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование власти у славян. М., 2007; Он же. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 100–102.

¹⁹ Щавелев А. С. Захват территорий славянских «племен» «державой Рюриковичей» в первой половине X в. // ВЕДС. 2015. Вып. 27: Государственная территория как фактор политогенеза. С. 328–335; Он же. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 111–114.

²⁰ Горский А. А. Земли и волости // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 11–18, 32.

²¹ Там же. С. 32.

Еще более показателен случай, когда в НПЛМИ к трем «племенам» применяется термин «волость»: «словѣне свою волость имѣли, а кривици свою, а мере свою...»²². Именно эти общности составляют *альянс* для изгнания варягов и приглашения Рюрика и его братьев. Этот альянс получил в историографии обозначение «северная конфедерация племен»²³. Перед нами автономные единицы, объединенные в более крупную политию. Для термина «волость» («власть») А.А. Горский как раз фиксирует значение «отдельное владение», чаще всего – самостоятельная составная часть «Русской земли» со своим князем. «Волость», по Горскому, – «составная часть государства»²⁴. Таким образом, во фрагменте НПЛМИ термин «волость» использован точно в соответствии с выделенным Горским значением: «автономная часть политики», в данном случае, часть коалиции славянских и финских «племен», призвавших Рюрика.

Термины «земля» и «волость» используются в раннем летописании применительно к славянским общностям вполне последовательно и осмысленно в своих прямых значениях, характерных для древнерусского литературного узуса. Вне зависимости от оценки исторической достоверности и степени ретроспективности рассмотренных летописных известий с точки зрения раннего летописания все общности славян – «земли», то есть «отдельные политики», сравнимые с Византией и Польшей или Римом и Ханааном, а составившие союз словене, кривичи и меря – «волости», то есть автономные единицы составной «конфедерации»²⁵.

Анализ описаний «племен» в тексте ПВЛ, сделанный П.В. Лукиным, показывает, что восточнославянское «племя» обладало в глазах летописцев всеми чертами нормальной политики: территорией, городами («градами»), обычаями, механизмом принятия политических решений, возможностью вести боевые действия, институтом княжеской власти наследственного характера, элементами социальной стратификации²⁶.

Согласно раннему летописанию, весь процесс этого захвата и интеграции «племен» в относительно объединенную державу Рюриковичей был сложным и многовариантным. При всей тенденциозности и избирательности при отборе фактов истории раннего периода Руси в летописании из него все-таки можно

²² НПЛ. С. 106

²³ Мельникова Е.А. Предпосылки возникновения и характер «северной конфедерации племен» // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. С. 101–102.

²⁴ Горский А.А. Земли и волости... С. 32.

²⁵ Добавим также, что сейчас есть, например, серьезные сомнения, считать ли Польшу первых Пястов «государством». Нам совершенно не ясно, почему по А.А. Горскому политика древлян Мала менее развита и менее похожа на «государство», чем практически синхронная политика Мешко I и его предшественников и преемников: Urbańczyk P. Trudne Początki Polski. Wrocław, 2008; Idem. Mieszko Pierwszy tajemniczy. Toruń, 2012.

²⁶ Лукин П.В. Восточнославянские «племена»... С. 270.

выбрать сообщения о самых разнообразных исторических ситуациях, в которых фигурируют «племена» славян. Со стороны Рюриковичей и их воевод описаны успешные завоевательные войны против славянских общностей, временно или частично успешные войны, поражения и неудачные силовые акции (яркий пример – смерть Игоря Рюриковича в земле древлян), переговоры. А со стороны славянских «общностей» описаны военные действия и боевое сопротивление; отделение после покорения без ясного понимания механизма сепаратизма, собственная инициатива переговоров; отселение со своей территории для сохранения свободы; поиск альтернативного Рюриковичам военного покровителя. Именно с такой точки зрения широкого спектра альтернативных интерпретаций известий и умолчаний летописного текста (и других источников) о «племенах» славян мы попытаемся посмотреть на комплекс данных о взаимоотношениях державы Рюриковичей и славянских общностей²⁷.

Захват Олегом и Игорем Рюриковичем Киева – первый шаг в строительстве державы Рюриковичей²⁸. Именно в этот момент обозначилось базовое бинарное ядро политики Рюриковичей – северный центр (Ладога, Новгород, Псков) и южный (Киев). Брак Ольги из Пскова и Игоря²⁹ был явно результатом тонкого расчета – через Псков шел альтернативный выход в Балтику, параллельный Ладоге. Рюриковичи в первой половине X в. смогли собрать выигрышную геополитическую комбинацию: Игорь – в Киеве (путь вниз по Днепру), Олег – в Ладоге (Новгороде, выход в Балтийское море), Ольга – «отъ Плескова» (альтернативный выход в Балтийское море)³⁰.

Уже со времени Олега обозначается принцип, согласно которому кто-то из родственников или приближенных киевского князя обязательно отправляется *на север*. Согласно НПЛМИ (НС), Игорь остается княжить в Киеве, а Олег «иде ... Новугороду, а оттуду в Ладогу»; там же приводится еще одна версия, что Олег

²⁷ Краткое изложение начала этого процесса см.: Щавелев А. С. Захват территорий славянских «племен»...

²⁸ Проблемы изучения более раннего этапа, условно – «времени Рюрика», нами не рассматриваются, так как они практически не решаемы на основе письменных данных и составляют совершенно отдельную проблему, требующую историко-археологического изучения. См. наиболее масштабную, но спорную попытку такого подхода: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 189–236; Он же. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Историко-археологические очерки. СПб., 2005. С. 505–533. Серьезную критику части реконструкций Г. С. Лебедева см.: Еремеев И. В. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 74–81.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29; НПЛ. С. 107.

³⁰ Литовских Е. В., Щавелев А. С. Территория Руси и Норвегии в первой половине X в. (к сравнению двух ранних языческих государств) // ВЕДС. 2014. Вып. 26: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. С. 163–173.

«ушел за море», но при этом «есть могила его в Ладозе»³¹. Вне зависимости от истинности какой-либо версии конца жизни Олега, нам важна фиксация в НС ухода главного родственника киевского князя из Киева *на север*. Затем, при Игоре в Киеве, согласно трактату «Об управлении империей», Святослав Игоревич в Новгороде «сидел»: в тексте употреблена форма имперфекта ἐκαθέζετο от глагола καθέζομαι, семантически идентичная древнерусскому глаголу «сѣдѣти» в значении «править в определенном месте»³². Судя по тому, что позже Святослав скептически воспринял просьбу новгородцев направить на княжение к ним одного из его сыновей: «а бы пошелъ кто к вамъ...»³³, впечатления от этого княжения у него остались не очень приятные. Именно *на север* «к Новугороду» и Пскову при Святославе в Киеве отправляется княгиня Ольга³⁴. При Святославе же в Новгород отправляется Владимир Святославич³⁵, потом, при Владимире, туда отправится его «уй» Добрыня Малкович³⁶, затем сыновья Владимира Святославича – Вышеслав и после – Ярослав³⁷.

³¹ НПЛ. С. 109. Равным образом ПВЛ знает его «могилу» в Киеве (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 39). Якобы противоречие версий о расположении «могилы» Олега в разных местах снимается известным обычаем возводить курганы-кенотафы, тем более что слово «могила» как раз обозначало «насыпь, холм, гору» и имело лишь вторичное метонимическое значение «место погребения» (Щавелев А. С. Особенности княжеских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные) // Святителища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 106–110).

³² Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 1: Greek Text, Engl. Transl. / by Gy. Moravcsic, R.G.H. Jenkins. 2^d ed. Washington, 1967. P. 56, 168; Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 2: Commentary / by R.G.H. Jenkins et al. London, 1962. P. 18–19, 27–29 (далее: – DAI-I и DAI-II). Вряд ли информация трактата о княжении Святослава при жизни отца Игоря в Новгороде требует сложного согласования с информацией древнерусского летописания о малолетстве Святослава («бѣ бо (вели) дѣтескъ»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58; НПЛ. С. 113) на момент штурма древлянского Коростеня после убийства Игоря (Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 277). Даже если это не трафаретное обозначение князя при действующем кормильце (ранее точно так же обозначен Игорь при Олеге в описании взятия Киева: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 22), понять степень малолетства Святослава из текста невозможно. Неудачно метнуть копьё с коня может и ребенок, и подросток, и даже вполне взрослый юноша. Судя по контексту летописного описания, копьё не просто не долетело до врагов, а, пользуясь спортивной терминологией, «сорвалось с руки», и на эту неудачу мальчика шуткой отреагировал Свенельд, «разрядивший» обстановку, поскольку такая «символическая неудача» явно предвещала поражение в представлениях рядовых воинов. Сопоставление византийского и древнерусского известий показывает только, что, видимо, Святослав был посажен в Новгороде незадолго до смерти его отца Игоря и затем возвращен в Киев.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

³⁴ НПЛ. С. 113; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

³⁵ НПЛ. С. 121; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

³⁶ НПЛ. С. 128; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79.

³⁷ НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

На север каждый князь должен был отправить политически значимого родственника, хотя не обязательно именно сына, причем отправить хотя бы на время. Это был вопрос не генеалогии, а геополитической прагматики удержания северной базовой территории. Исключение составил только князь Ярополк Святославич, который изначально отказался идти в Новгород, а во время войны с Владимиром держал в Новгороде «посадников» («посадники своя посади» – отметим, кстати, странное множественное число³⁸), за что и поплатился в итоге – его посадники без боя сдали город его брату Владимиру³⁹.

Бинарная структура базовой территории, ядра державы Рюриковичей, видна из перечня территорий, которые обустроила погостами, становищами и прочим княгиня Ольга. Это – земля древлян до Киева, территории по рекам Днепр и Десна на юге; Новгород и Псков, реки Мста и, возможно, Луга на севере⁴⁰. Среди географических ориентиров в версиях НПЛМИ и ПВЛ различается только указание на р. Лугу в северном «домене», которая находится как раз между Новгородом и Псковом. Эта вставка ПВЛ принципиально географической реконструкции не меняет, но Лугу нужно было контролировать Рюриковичам, поскольку она впадает в Финский залив. Фактически три названных территории (Новгород, р. Луга, Псков) составили цепочку, закрывающую основные выходы в акваторию Балтийского моря.

Такая же логика контроля над ответвлениями водных коммуникаций видна на юге. Сопоставление расположения «города Ольги» Вышгорода (примерно в 20 км от Киева выше по течению на правом берегу Днепра) и «села Ольги» (которое можно предположительно отождествить с селом Ольжичи, на левом притоке Днепра р. Десне на полпути из Киева в Чернигов⁴¹) показывает ограниченность южной части «домена» Рюриковичей. Но оба населенных пункта, принадлежавших, согласно раннему летописанию, Ольге, контролировали стратегические водные коммуникации, идущие от Киева на север по Днепру и северо-востоку – к Чернигову.

История этапов и направлений расширения северной части «домена» Рюриковичей вокруг Новгорода в X в. нам не известна. У нас нет сообщений о первых походах из Новгорода по присоединению северных финских и балтских племен, которые позже платили дань Руси. Процесс расширения северного ядра держа-

³⁸ Заметим, что Ярослав Владимирович после проигрыша битвы с братом Мстиславом до заключения мира у Городца держал в *Киеве* своих «мужей» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149). Может быть, множественное число «посадники» и «мужу» в обоих случаях означает что-то вроде оккупационного гарнизона (?).

³⁹ НПЛ. С. 125; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75.

⁴⁰ НПЛ. С. 113; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60. См. подробней анализ этих известий: Платонова Н. И. Древнерусские погосты – новая старая проблема // ДГВЕ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 328–388.

⁴¹ Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря России, I: Географический словарь русской земли (IX–XIV вв.). Вильно, 1865. С. 154; Он же. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. Варшава, 1885. С. 143.

вы Рюриковичей и наращивания платившей ему дань периферии славянских, финских и балтийских «племен» виден лишь ретроспективно по его результатам в XI–XII вв.⁴². Контур северного эксклава Рюриковичей вырисовывается только в середине X в. в описании деятельности княгини Ольги. Именно с этим моментом В.Л.Янин связывает окончательное формирование усадебной застройки и принципов районирования Новгорода⁴³. Хотя, судя по археологическим датировкам (см. ниже), основы города мог заложить чуть раньше и князь Олег, ушедший из Киева в Ладогу.

В связи с проблемой изучения северной базовой территории державы Рюриковичей особую значимость приобретают летописные известия о «первом посаднике» Новгорода – Гостомысле. В древнейшей редакции перечня имен посадников Новгорода, протограф которого может быть датирован XII в., он назван первым – «*пръвыи Гостомыслъ*»⁴⁴. В новгородском летописании XV в. (Новгородско-Софийская группа летописей, далее – НСГ) известие о нем вставлено в рассказ о расселении славян: «Словене же пришедше съ Доуная, съдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгород и посадиша и старѣшиною Гостомысла»⁴⁵.

Если суммировать мнения и аргументы историков, то большинство исследователей, скорее, склоняется в пользу того, чтобы не считать имя Гостомысла «книжным фантомом» позднего новгородского летописания⁴⁶, а признать, что сведения о нем заслуживают внимания. Эти известия, вероятно, базируются на некой устной традиции, бытовавшей в Новгороде, проверить достоверность которой практически не представляется возможным⁴⁷. Но само имя *Гостомыслъ* вполне аутентично: известен князь славянской общности ободритов Gestimulus,

⁴² Янин В.Л. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В.Черепнина. М., 1987. С. 119–134; Он же. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001; Гимон В.Т. Community Names in the First Novgorodian Chronicle and the Territorial Structure of the Novgorodian Land (1115–1272) // SSBP. 2015. № 2. С. 134–151; Guimon T. Estonia during the Eleventh and Twelfth Centuries in the Novgorodian Chronicles // Forschungen zur Baltischen Geschichte. 2015. № 10. P. 31–68.

⁴³ Янин В.Л. Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // Янин В.Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 127–129.

⁴⁴ НПЛ. С. 164, 474.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 6/1. С. 4; Т. 4/1. С. 3; Т. 42. С. 22.

⁴⁶ Петрухин В.Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа // Петрухин В.Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2011. С. 188–294.

⁴⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 25–32, 65–68; Гимон Т.В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление. Дисс. ... докт. ист. н. М., 2014. С. 113–115; Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014. С. 49–60.

погибший в 844 г.⁴⁸. Это имя вписывается в перечень древнейших славянских двусосновных имен⁴⁹.

Однако необходимо выбирать между двумя взаимно противоречащими версиями его статуса: либо он – «первый посадник» в Новгороде, либо «старейшина словѣн» времен их расселения в районе Ильменя. Версия о посаднике имеет преимущество – большую древность гипотетического протографа списка посадников и его возможную первичность по отношению к летописному известию. Кроме того, «посадник» – вполне аутентичное понятие реальной древнерусской истории, а «старейшина» – книжное слово из переводов с греческого⁵⁰. Сейчас понятно к тому же, что исторический Новгород не был основан словенами в ходе их расселения в районе Ильменя⁵¹. На этих логических основаниях, вслед за Х. Ловмянским, следует согласиться, что Гостомысл был, скорее, посадником. Его образ был важен для традиции и самой идеи новгородского посадничества, на первом (!) месте в списке посадников это имя не могло возникнуть случайно или как результат некоей фантазии⁵². Но объяснение Х. Ловмянского этой идеологической важности имени Гостомысла совпадением времени его правления и момента крещения Новгорода кажется произвольным.

Исходя из имеющихся данных, гораздо логичней считать, что Гостомысл действительно был первым «посадником», в смысле «правителем» или «управителем» Новгорода, и выходцем из этносоциальной общности словен. Именно

⁴⁸ Rudnicki M., Labuda J., Kowalenko W. Gostomysł // Słownik Starożytności Słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków. 1964. T. II. S. 139–140; Морошкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 62–63.

⁴⁹ «Древнейшие сложные двусосновные имена, как Святослав, Мирослав, Доможир, Милонег... (из них – А. Щ.) можно составить... языческие святцы... Это – ряд древнейших основ, иногда совершенно необъяснимого значения» (Гинкен Г. Г. Древнейшие русские двусосновные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. Вып. 4. СПб., 1893. С. 440–461). В устном докладе в 2012 г. А. А. Гиппиус высказал мысль, что конечная гласная -о- первой основы двусложного имени могла возникнуть только в ранний период. Но насколько этот признак можно считать релевантным, не ясно, поскольку в именах такого типа наблюдается: «...безличность конечной гласной первой части двусосновного имени... это... свидетельствует о незначительности ее роли в сложных именах... она, вероятно, находилась вне ударения...» (Гинкен Г. Г. Древнейшие русские двусосновные личные имена... С. 441).

⁵⁰ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 52–53.

⁵¹ Дата основания Новгорода вторая четверть – середина X в. верифицируется дендродатами древнейшей усадебной застройки (Тарабардина О. А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005). Автореф. канд. ист. н. М., 2007; Носов Е. Н., Янин В. Л. Археологическое изучение городов Северной Руси: итоги и перспективы // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 91–93).

⁵² Łowmiański H. Gostomysł posadnik nowogrodzki w końcu X wieku // Studia historyczne poświęcone S. Arnoldowi. Warszawa, 1965. S. 273–281.

в этом качестве он и должен был фигурировать в новгородской традиции, которая знала, что он «первый посадник», а «посадили» его в Новгороде словене (или он представлял в политэтническом Новгороде общность словен?). Учитывая археологическую дату основания Новгорода, первый посадник словенин Гостомысл должен был жить в первой трети – середине X в.

Согласно реконструкции П. С. Стефановича, стартовые позиции в Киеве Игоря Рюриковича обозначены в раннем летописании (видимо, в СПРК-ДС) так: *«и съде Игорь княжа в Кыеве и бѣша оу него моужи варязи (и) словенѣ... и дани устави словеномѣ и варягомѣ даяти, а отъ Новгорода 300 гривенѣ на лѣто мира дѣля»⁵³. Очевидно, что словене и варяги – опора Рюриковичей, захвативших полянский Киев. Только словене и поляне – две общности славян, которые являются протагонистами (а не объектами) отдельных сюжетных историй в летописном нарративе⁵⁴. Поляне оцениваются в ПВЛ и с небольшими нюансами в НПЛМИ как этический «эталон», словене оцениваются в целом положительно и нейтрально⁵⁵. Поляне выступают как будущая русь («поляне, яже нынѣ зовомая Русь») и как будущие киевляне («и до сего дне от них же суть кыянѣ»)⁵⁶.

«Племя» словен охарактеризовано в раннем летописании как «люди новгородские», то есть жители Новгорода, так же как поляне названы предками «кыян»-киевлян. Кроме словен, как «предки» (предшественники, «от рода») новгородцев обозначены варяги⁵⁷. Получается, что «люди новгородские» в раннем летописании осмысляются как результат «синтеза» словен и варягов. Показательно, что словене выступают как самостоятельный действующий военный коллектив наряду с русью в истории о шелковых парусах во время похода Оле-

⁵³ Стефанович П. С. Загадочное известие летописи... С. 27. Такая же пара «варяги и словене», видимо, была в источнике, на основе которого компилировалось сообщение под 6415 г. о походе Олега на Византию: «Олеги ... поя же множество варяг и словенѣ и чудь и словене и кривичи и мерю...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29). Повтор словен может сигнализировать о том, что изначально в прото-тексте известия Олег взял с собой только «варягов и словен», потом была добавлена чудь, а потом список еще механически расширен. Пара «варяги и словене» начинает перечни войск в походах Владимира Святославича на войне с Рогволодом, Ярослава Владимировича – с Болеславом I Храбрым и Святополком, Ярослава – с печенегами, что может говорить о некой формульности их соположения в летописном тексте (НПЛ. С. 125; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76, 143, 151). Рассказы о действиях этой устойчивой пары общностей «варяги и словене», возможно, были характерны для текста СПРК-ДС.

⁵⁴ О социуме словен см.: Концевий В. Я. Древнерусские летописные племена: проблема интерпретации (на примере ильменских словен) // Новгород в культуре Древней Руси. Материалы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 75–83; Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 119–120.

⁵⁵ Александров А. В., Рабинович Р. А. К вопросу о «неравноправности» восточнославянских племен в Повести временных лет (предварительные заметки) // Stratum plus. 2013. № 5. С. 133–142.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9, 25–26; НПЛ. С. 105.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20; НПЛ. С. 106.

га на Византию⁵⁸. Словене и потом новгородцы – главные союзники руси в X в., по своим функциям это своего рода «местные варяги», сотрудничающие с русью (ср. ниже известие об участии в битве при Листвене северян против варягов). Словенин наряду с русином был защищен вирой в сорок гривен в первой статье Русской правды, в начале которой фигурируют еще варяги и колбяги. Здесь этноним *словѣнинъ* обозначает именно представителя общности словен⁵⁹. Словене-новгородцы последний раз фигурируют как отдельный *воинский контингент* в летописи в 1036 г. при описании битвы Ярослава Владимировича с печенегами.

Следующий этап экспансии из Киева представлен в НПЛМИ и ПВЛ диаметрально противоположно. В НПЛМИ Игорь воюет с древлянами и уличами, а его воевода Свенельд захватывает территорию уличей, три года осаждает их город Пересечен, наконец, захватывает и его. Судя по четкой локализации уличей в тексте, с ними идет борьба за свободный выход вниз по Днепру. В итоге Свенельд получает дань с уличей, но после этого уличи отселяются с Днепра на запад в междуречье рек Днестр и Буг. Свенельд, потерявший дань с уличей, взамен получает дань с древлян, это решение запускает цепь событий, приведшую к гибели князя Игоря Рюриковича⁶⁰. Заметим, что в рассказе НПЛМИ о покорении древлян до передачи дани с них Свенельду ничего не было сказано, был лишь отмечен факт войны Игоря с древлянами и уличами после его вокняжения в Киеве.

В ПВЛ начало экспансии из Киева выглядит совершенно иначе. Войны с уличами нет вовсе. Вместо этого есть блок известий о походах Олега на славянские племена древлян, северян и радимичей. П. С. Стефанович вслед за А. А. Шахматовым, О. В. Твороговым и А. А. Гиппиусом однозначно относит этот блок из трех известий об Олеге на счет творчества автора ПВЛ, который якобы амплифицирует текст НС за счет простого домысливания⁶¹.

Несомненно, что три статьи о походах Олега на древлян, северян и радимичей в нынешнем виде относятся к тексту ПВЛ. Но механизм их создания не так ясен и прост, как пытается доказать П. С. Стефанович. Если бы автор ПВЛ, как считает Стефанович, хотел показать мощь Олега и его борьбу с Хазарией, то непонятно, почему из плативших дань Хазарии «племен» он выбрал только северян и радимичей, но при этом информацию о ставке платежа радимичей «по щелягу» как раз заимствовал из статьи НС (НПЛМИ) про вятичей. Заметим особо, что радимичи, согласно раннему летописанию, вне этого известия, вообще хазарам дань не платят и с

⁵⁸ НПЛ. С. 108–109.

⁵⁹ Гринев Н. Н. Краткая редакция Русской правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. 1989. Вып. 3 (13). С. 20–42; Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. 2004. Вып. 4. С. 5–48.

⁶⁰ См. подробнее об интерпретации текста НПЛМИ: Стефанович П. С. Древлянская дань...; Щавелев А. С. Захват территорий славянских «племен»...

⁶¹ Стефанович П. С. Древлянская дань...С. 44–46.

ними никак не связаны⁶². Если бы речь шла о простом заимствовании информации о «племени», платящем дань Хазарии, из НС, то Олег бы, как и в будущем Святослав, покорял бы вятичей и брал дань «по щелягу» именно с них. Объяснения Стефановича, что автор ПВЛ «забыл» вятичей или «не различал» радимичей и вятичей из-за общности происхождения «от ляхов», совершенно не убедительны.

Отсутствие начала истории о завоевании древлян и возложении на них дани в НПЛМИ и слабость версии о чистой выдумке автора ПВЛ трех известий о походах Олега⁶³ заставляют искать начало древлянской истории для НПЛМИ и источник текста трех известий о походах Олега в ПВЛ. В летописях НСГ, которые передают текст НС зачастую лучше, чем НПЛМИ, есть совершенно не замеченное исследователями⁶⁴ известие под 6391 г.: «иде Олегъ на древляны и на северы и възложи дань на нихъ по чернѣи кунѣ...»⁶⁵. Оно как раз логически продолжается известиями: «и деревляне заратишася от Игоря по Олгови смерти. Иде Игорь на древляны. И побѣдивъ я възложи на ня дань болши Олгови»⁶⁶. Указание на ставку дани в первом известии об Олеге мотивирует указание на повышение дани древлянам при Игоре. Этот момент важен для понимания убийства Игоря, который сначала повысил ставку дани, а потом вообще попытался собрать ее несколько раз. Таким образом, в летописях НСГ есть начало истории о получении Игорем древлянской дани, которую возложил Олег и которую можно отдать Свенельду, отсутствующее в тексте НПЛМИ. Зависимость известий ПВЛ от более короткого известия летописей НСГ очевидна, так как в ПВЛ Олег идет походом именно на древлян и северян (как и в известии комплекса НСГ), а к радимичам, известия о походе на которых в НСГ (=НС) нет, только «посылает». Текст известия летописей НСГ не сокращение трех известий ПВЛ, так как в этом случае неясно будет исчезновение из него радимичей. Это известие можно вполне уверенно возвести к НС, к которому возводятся и остальные уникальные известия летописей НСГ⁶⁷, из текста НПЛМИ оно, видимо, выпало механически. Возможно также, что оно было в СПРК-ДС и было потеряно или элиминировано по каким-то причинам в НС.

⁶² В отличие от полян, северян и вятичей: НПЛ. С. 131; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19; Т. 6/1. Стб. 13; Т. 4/1. С. 10; Т. 42. С. 25.

⁶³ «Вопрос может быть поставлен так: способен ли летописец на откровенный и неспровоцированный вымысел? Ибо есть разница между тем, когда факт или легенда расцвечиваются сюжетными подробностями, тем, когда восстанавливаются утраченные звенья процесса,... и тем, когда вводится «частное сообщение», не вытекающее из окружающего летописного контекста» (Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 21).

⁶⁴ На это известие не обратил внимания даже чуткий текстолог О. В. Творогов, использовавший летописи НСГ как источник для реконструкции НС: Там же. С. 16.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 6/1. Стб. 17; Т. 4/1. С. 13; Т. 42. С. 28.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 6/1. Стб. 35; Т. 4/1. 26–27; Т. 42. С. 32. Ср.: Т. 1. Стб. 42.

⁶⁷ Гимон Т. В. События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГВЕ, 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.

Исходя из раннего летописания, можно сделать выводы, что князь Олег в нем фигурировал как князь, возложивший дань на древлян и северян, но не захвативший их территорию. Воевода Свенельд – завоеватель территории уличей, уничтоживший их город Пересечен на Днепре. Это был крупный успех, сделавший Свенельда фигурой номер один в окружении Игоря Рюриковича. Понятна и логика походов – на юг, вниз по Днепру, на запад – на правобережье Днепра, на восток – на левобережье. Олег, Игорь, Свенельд как бы «пробуют», где можно добиться успеха, где сопротивление соседей меньше.

Факт получения дани Олегом с радимичей есть только в ПВЛ, он не подтверждается никакими источниками и, следовательно, должен считаться недоверенным, пока не будет ясно происхождение этого известия в ПВЛ.

Такой же, как в начальной части раннего летописания, перечень подплатежных «Росии» стран (ὑπόφορα χώρα) «ультины, дервленины и лензанины и другие склавы» (уличи, древляне и поляне-лендзяне⁶⁸) находим в 37-й главе трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного⁶⁹. Текст главы восходит к материалам начала X в.: либо ко времени византийского императора Льва VI Мудрого до 912 г., либо, что вероятней, к 10–20-м годам X в.⁷⁰

9-я глава трактата «Об управлении империей» фиксирует в 940–950 гг. подчинение Киеву «вервиан (древлян), другувитов (дреговичей), кривичей и севериев», на их территориях происходит зимнее «кружение»-полюдье. Кривичи и лендзяне (поляне) поставляют и продают в Киев лодки-моноксины⁷¹. Эта более поздняя по времени составления глава отселившихся с Днепра уличей уже закономерно

⁶⁸ Мы придерживаемся достаточно давно высказанного в историографии мнения, что «поляне» древнерусского летописания следует отождествить с «лендзянами» трактата «Об управлении империей». В пользу этого говорят как географические ориентиры расположения этих общностей в обоих текстах (Скрынников Р. Г. Исторический факт и летопись // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 310–321; Петрашенко В. О. Літописні поляни: міф чи реальність? // Археологія. 1998. № 2. С. 53–62), так и уникальное совпадение семантики двух этнонимов, составляющих логичную пару: самоназвание («поляне») и экзоэтноним («лендзяне») (Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 234; 286; Щавелев А. С. Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζανῆνοι / Λενζέννοι / *lędziane // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. М., 2014. С. 424–427; Щавелев А. С. Захват территорий славянских «племен»... С. 329–331).

⁶⁹ DAI-I. P. 168.

⁷⁰ Howard-Johnston J. The De administrando imperio... P. 301–336; Козлов С. А. Константин Багрянородный о печенежских «фемах» (DAI. cap. 37) и проблема его источников // ВЕДС. 2010. Вып. 24: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. С. 113–119; Щавелев А. С. Захват территорий славянских «племен»... С. 329–331; Он же. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 106–107.

⁷¹ Мельникова Е. А. Росы и их пактиоты в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного // «По любви, в правду безо всякие хитрости». Дружья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. М., 2014. С. 75–122.

не упоминает. О радимичах византийский трактат вообще ничего не знает, но 9-я глава трактата подтверждает известие о данническом подчинении Киеву северян. Можно предполагать некоторое изменение позиции лендзян-полян, которые из «подплатежной страны» в начале X в. становятся торговыми партнерами России – поставщиками лодок в Киев, видимо, потому, что их территория за прошедший отрезок времени превратилась к середине X в. уже в часть России вокруг Киева.

В письме сановнику кордовского халифа Абд ар-Рахмана III Хасдаю Ибн Шапруту от хазарского царя (евр. *мелек*) Иосифа бен Аарона среди его данников фигурируют: «В-н-н-тит» / вятичи, «С-в-р» / северяне и «С-л-виюн», под которыми, судя по контексту, надо понимать не славян *in toto*, а именно словен⁷². Хасдай Ибн Шапрут написал свое послание Иосифу до 961 г., в течение года-двух (может быть, больше) оно шло в Хазарию. Поэтому послание хазарского царя, видимо, отражает ситуацию 950 – начала 960-х гг. Возможно несколько вариантов согласования информации письма царя Иосифа с информацией трактата императора Константина Багрянородного. Во-первых, Иосиф мог преувеличить объем своей власти, использовать уже устаревшую информацию о народах, которые раньше платили дань Хазарии. Наконец, словене, северяне и вятичи могли делать вполне реальные выплаты Хазарии, которые трактовались как «дань». Скорее всего, это были выплаты, связанные с транзитной торговлей через территорию Хазарии («десятина» – «ушр»⁷³), которая контролировала торговые пути, прежде всего, по Волге, ведь все три эти славянские общности были плотно вовлечены в международную транзитную торговлю. А северяне и, видимо, вятичи также поставляли в Хазарию товарное зерно⁷⁴. Заметим, что в числе своих данников хазарский правитель не знает никаких радимичей.

Согласно НПЛМИ и ПВЛ, князь Святослав Игоревич в ходе борьбы с Хазарией совершил поход и получил дань с вятичей, которые ранее платили ее Хазарии⁷⁵. Это первое известие о получении дани с вятичей. До этого никаких достоверных свидетельств о контактах Рюриковичей и вятичей нет.

Сын Святослава Владимир второй раз подчинил вятичей (возможно, было два похода), а его воевода Волчий Хвост получил дань с радимичей⁷⁶. Этими походами завершается основная эпопея подчинения славянских общностей дер-

⁷² Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка... С. 99–100; Goehrke C. Frühzeit... S. 41–42.

⁷³ Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015. С. 184, 188, 198.

⁷⁴ Григорьев А.В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 214–221.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 66; НПЛ. С. 117.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81–82; НПЛ. С. 130–131; Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. 1963. № 37. С. 71.

жаве Рюриковичей, однако необходимо попытаться уточнить их статус и эволюцию их положения после потери независимости.

Переходя к вопросу о степени зависимости славянских «племен» от Руси, мы предлагаем посмотреть на этот процесс сквозь призму концепта «отчуждения» (англ. *alienation*, нем. *Entfremdung*) К. Маркса, применяемого в самом широком значении в современной социальной антропологии⁷⁷. В общем виде теория отчуждения гласит, что власть (носители власти, правящий класс) не может и никогда не отчуждает все сразу. Обычно отчуждение происходит медленно и поэтапно. Обычно власть отчуждает что-то одно или какую-то часть – собственность, территорию, права личности, суверенитет коллектива, поэтапно преодолевая сопротивление социального материала. Кроме того, возможны отчуждение силовое (завоевание) и манипулятивное («soft power»). Это очень хорошо видно и на примере полевых наблюдений над современными организованными преступными группировками, специализирующимися на рэке: для вымогателей чаще всего не нужно сразу захватить все ресурсы и собственность жертвы, они не заинтересованы в тотальном грабеже, зачастую им гораздо выгодней вести постепенное отчуждение все возрастающего процента прибыли. Аналогичной логикой программируются действия и практики первопроходцев, колонизаторов и работорговцев XVI–XIX вв.⁷⁸

Применительно к проблеме покорения славянских «племен» предлагаем различать:

- 1) отчуждение материальных ценностей (= дань);
- 2) отчуждение неприкосновенности границы (или части суверенитета) – право нахождения на чужой территории (= полюрье);

⁷⁷ Ludz P. C. Alienation as a Concept in the Social Sciences // Theories of Alienation. Critical Perspectives in Philosophy and the Social Sciences / ed. by R. F. Geyer, D. R. Schweitzer. Leiden, 1976. P. 3–40; Seeman M. Empirical Alienation Studies: An Overview // Ibid. P. 265–304; Khan N. Development of the Concept and Theory of Alienation in Marx's Writings (March 1843 to August 1844). Oslo, 1995.

⁷⁸ Волков В. В. Силовое предпринимательство. СПб.; М., 2002; Он же. Силовое предпринимательство XXI в. Экономико-социологический анализ. СПб., 2002; Он же. Силовое предпринимательство. Экономико-социологический анализ. М., 2005. О типологическом и функциональном сходстве процессов политогенеза и создания организованной преступной группировки: Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / ed. by P. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol. Cambridge, 1985. P. 169–187; Волков В. В. Силовое предпринимательство. СПб.; М., 2002. С. 226–240). Этнографическое наблюдение современных практик принуждения к выплате дани и «покупке охранных услуг» (Волков В. В. Силовое предпринимательство. СПб.; М., 2002. С. 138–150) особенно важно как способ деконструкции метафизического восприятия устанавливаемого аппарата власти (насилия) как «объективного блага» и «исторической закономерности». Приведенные аналогии помогают избежать одностороннего взгляда на процесс экспансии, присущего победителям, который доминирует во всех наших источниках (Skocpol Th. Bringing the State Back In: Strategies of Analyses in Current Research // Bringing the State Back In... P. 3–13). Такую же методическую роль играет продуктивное сравнение действий групп ранней руси (росов, русов) с практиками колонизаторов и первопроходцев Нового времени (Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев, СПб., 2015. С. 103–112, 219–238).

3) отчуждение права на вооруженный контингент (= автономное участие общности в боевых столкновениях);

4) отчуждение территории – аннексия;

5) отчуждение коллективной идентичности – ассимиляция (= смена этнонима).

Добавим, что обычно внимание историографии сосредоточено на том, что именно у славянских «племен» русь отчуждала. Нам представляется важным посмотреть, какие свои социально-политические черты и политические возможности славянские «племена» сумели сохранить, находясь под давлением или оккупацией руси, в течение X в. и первой половины XI в. Данные письменных источников, анализируемые ниже, представлены в формализованном виде в таблице (см. в конце статьи).

Наиболее подробно освещен в источниках процесс завоевания и аннексии державой Рюриковичей территории общности древлян на правом берегу Днепра. Древляне представляли собой сложившуюся политику типа вождества, вполне сопоставимую по уровню политического развития с державой Олега и Игоря. Судя по этим данным, у них был политический центр – Коростень на притоке Днепра р.Уж, в нем правил князь Мал, а ранее – его предшественники, которые «распасли суть» землю древлян. У древлян было налаженное речное сообщение по Ужу с Днепром. Упоминаются также совокупность нескольких укрепленных «градов», мужи «лучшие / нарочитые» и войско, способное противостоять дружинам киевских князей. В НС и ПВЛ древляне представлены как исконные противники сначала полян киевских, князей Аскольда и Дира, а потом киевских Рюриковичей⁷⁹.

В начале X в. у древлян Олегом и Игорем Рюриковичем несомненно были отчуждены права на материальные ценности (дань) и неприкосновенность границ их территории (сбор дани происходит на их территории). Но при этом у древлян сохранена полная автономность, то есть собственное управление, территория (границы, укрепления, города), значительная часть суверенитета (князь, элита, вооруженные силы).

В середине X в. после убийства Игоря у древлян Ольгой и Святославом Игоревичем была аннексирована территория, уничтожены укрепления, уничтожена элита. Однако описания событий 980-х гг. показывают, что древляне сохранили свою базовую идентичность как минимум в глазах киевского летописца: «в деревехъ», то есть «у древлян» (а отнюдь не «на территории древлян»), сидит Олег Святославич; «един древлянин» показывает Ярополку Святославичу, где лежит труп Олега; «в деревехъ», то есть опять же «у древлян», сидел сын Владимира Святослав.

⁷⁹ Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С.311; Лукин П.В. Восточнославянские «племена»... С.266–270; Щавелев А.С. Славянские «племена» Восточной Европы... С.114–115.

История древлян может быть сравнительным эталоном для интерпретации сообщений о взаимоотношениях державы Рюриковичей с другими «племенами». Северяне на левобережье Днепра, занимавшие как бы «зеркальное» положение относительно Киева «напротив» древлян, прошли совершенно иной путь присоединения к Руси. В начале X в. Олег, согласно группе летописей НСГ, совершил на них поход и возложил дань такую же, как и на древлян, а согласно ПВЛ, он возложил на них «дань легкую». В середине X в. на территории северян проходило «кружение»-полюдье росов. Древляне, как мы знаем, находящиеся в таком же режиме подчинения, как северяне, в это время сохраняли все перечисленные выше атрибуты автономии. Значит, автономия северян – чуть более отдаленных географически и имевших, возможно, облегченный режим дани – была не меньше, если еще не выше.

В 946 г. территория древлян была завоевана и аннексирована Рюриковичами, эта территория с середины X в. была включена Ольгой в «южный домен» державы. А северяне во второй половине X в. остаются в старом режиме зависимости и степени подчинения, схожими с ситуацией у древлян первой половины X в. Возможно, в 950–960-е гг. северяне платят какую-то дань еще и хазарскому царю Иосифу. Можно считать, что северяне во второй половине X в. – *автономная полития*, подчиненная Руси. Следующий раз в летописании северяне появляются уже в XI в. при описании битвы Владимировичей Ярослава и Мстислава на стороне последнего. Причем северяне составляют воинский контингент аналогичный, симметричный варягам: «Мъстиславъ ... исполчивъ дружину и постави сѣверъ в чело противу варягомъ а самъ ста с дружиною своею по крилома... и сступися чело сѣверъ съ варягы и трудишася варязи секуще сѣверъ и посем наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сече варязи... Мстиславъ же о светъ заоутра видевъ лежачие сечены от своихъ сѣверъ и варягы Ярославле и рече кто сему не радъ се лежить северянинъ, а се варягъ, а дружина своя цела»⁸⁰. Даже для черниговского князя Мстислава северяне – те, кто погиб из его войска («отъ своихъ»), – союзники-чужаки, которых он сравнивает с варягами Ярослава. Причем Мстислав сразу же после битвы, в которой сохранилась его «своя дружина», предлагает мир проигравшему сражение брату Ярославу, отдавая ему «столичный» Киев. Здесь явно заложен нравоучительный подтекст: наемники, будь то варяги, будь то северяне, в битвах не играют решающей роли, победу обеспечивает «своя дружина», которая была у Мстислава, но которая не названа в битве у Ярослава, опиравшегося только на чужаков-варягов. В этом известии северяне – отдельный военный контингент, полностью автономный от Рюриковичей, такой же, как варяги со своим князем Якуном (ср. выше сопоставление словен-новгородцев и варягов).

Упоминание северян в списках племен походов Олега 911 и Игоря 944 г. на Византию в ПВЛ мы не учитываем по двум обстоятельствам. Первое возражение, названное выше, – источниковедческое: летописный конвой договоров – фаль-

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149; Т. 2. Стб. 135–136.

сификат, составленный из предшествующих упоминаний. Второе – логическое: согласно ПВЛ, на Византию ходили тиверцы и печенеги, территория которых не была подчинена Рюриковичам. Следовательно, включение в этот список может быть свидетельством того, что северяне – союзники или данники, но о подчинении их территории оно ничего не говорит. Наконец, участие в походе могло происходить на добровольных началах или за плату⁸¹.

Осталось ответить на вопрос, почему нет летописного рассказа о покорении территории северян. Самый очевидный ответ состоит в том, что они были покорены Мстиславом Владимировичем во время его княжения в Чернигове между 1024 и 1036 гг. или его предшественниками, правившими в Чернигове. Известное нам киевское летописание этот момент черниговской истории не отразило, ведь в его основе был прото-нарратив о деяниях первых киевских князей, в котором не было даже ранней истории правителей Новгорода, равным образом в ней нет и деяний правителей Чернигова. Кроме того, описание этого отрезка времени почти полностью посвящено истории борьбы братьев Владимировичей.

С полянами и уличами ситуация вполне ясна: произошел быстрый захват территории, уничтожение правителей (Аскольд и Дир) и города (Пересечен), то есть проведена быстрая ликвидация суверенитета. В результате уличи отселились с Днепра, а поляне уже в рассказе о княгине Ольге упоминаются как «кияне». Фактически получилось, что в то время, когда древляне все еще являются «древлянами» по своей идентичности, поляне уже влились в состав «киян» – жителей древнерусского города, часть населения которого сохраняла лишь историческую память о предках-полянах⁸². Мы видим у древлян и полян разные темпы отчуждения изначальной «племенной» идентичности.

Вятичи потеряли часть суверенитета при Святославе Игоревиче и его сыне Владимире. Вятичи во второй половине X в. попадают в статус платящих дань Руси, такой статус был у древлян и северян в первой половине X в. Вятичи, как древляне первой половины X в., сохраняют суверенитет, вождя (Ходота и его сын) и идентичность в XI в.⁸³. Вятичи остаются в статусе автономной политики на периферии Руси в XI в., а, возможно, и позже. Радимичи были подчинены, видимо, только Владимиром Святославичем. Но в XI в. радимичи находятся скорее в статусе платящих дань, то есть в статусе древлян первой половины X в.: «везут повоз до сего дни». Аннексии территории радимичей не зафиксировано.

⁸¹ Об этом мы знаем, например, из текста византийского историка Льва Диакона, в котором рассказывается о том, как патрикий Калокир должен был использовать для организации похода росов на Болгарию 15 кентинариев золота, что позволило Святославу Игоревичу «поднять на войну все молодое поколение тавров» (Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко, коммент. М. Я. Сюзюмов и С. А. Иванов. М., 1988. С. 36–37, 44).

⁸² Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях... С. 105–126; Он же. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 110–113.

⁸³ Лукин П. В. Восточнославянские «племена»... С. 272–282; Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 116–117.

Кривичи занимали огромную область, которая захватывалась в основном не из Киева. Общность кривичей, скорее всего, не была территориальным «этнографическим» или политическим объединением. Это был либо «зонтичный» экзоэтноним⁸⁴, либо обозначение некой этносоциальной «межплеменной» группы. У них не было центров, захват которых решал бы вопрос с их подчинением. Часть территории общности кривичей перешла к Рюриковичам вместе с Псковом, откуда происходила Ольга, а часть – по-видимому, вместе со Смоленском. В раннем летописном нарративе отразилась в подробностях победа Владимира над полоцким князем Рогволодом и его двумя сыновьями⁸⁵ – это финал освоения «кривичской» территории. Рогволод так же, как и Аскольд и Дир, начал процесс захвата территорий славянских общностей, но у этих трех князей процесс расширения владений в итоге «перехватили» Рюриковичи.

Держава Рюриковичей таким образом разделялась на базовую территорию («ядро», то есть земли, уже аннексированные) и на «текущую» периферию – рэкетизируемые территории, на которых собиралась дань. На этом моменте «двухчастности» в свое время сфокусировал внимание М.Д. Приселков, проницательно сравнивший Русь X в. с более поздней Новгородской «республикой» и Золотой Ордой, отнеся их по этому признаку разделения на «основное ядро» и «подчиненные... силой меча... земли» к типу «примитивных государственных образований древности»⁸⁶. Перед нами типичная «сегментарная полития» по Э. Саутхоллу, в которой сфера политического (реального) суверенитета гораздо уже границ суверенитета символического (прокламированного)⁸⁷.

С начала X по первую треть XI в. никакого структурного прогресса в организации Руси не наблюдается. Все это время происходило только параллельное расширение двухчастной базовой «ядерной» территории вокруг Киева и Новгорода и постепенное приращение нестабильной периферии.

Минимальный прогресс виден лишь при размещении сыновей князей Святослава Игоревича и Владимира Святославича по городам, которые были точками опоры, центрами и очагами иррадиации власти Рюриковичей. Согласно НПЛМИ и ПВЛ, Святослав в 969 г. оставил Ярополка в Киеве, в Новгород был отправлен Владимир, а Олег сел «у древлян», возможно, но не обязательно в Овруче. Если Овруч действительно стал новым центром территории древлян

⁸⁴ Дмитриев С. В. К вопросу о функционировании и генезисе этнонима «кривичи» // Язычество восточных славян. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 143–149.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75, 299–300; НПЛ. С. 125.

⁸⁶ Приселков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. № 73. Вып. 8. Серия исторических наук. 1941. С. 235.

⁸⁷ Southall A. The Segmentary State: From the Imaginary to Material Means of Production // Early State Economics / ed. H.J.M. Claessen & P. van de Velde. New Brunswick (USA); London, 1991. (Political and Legal Anthropology. Vol. 8). P. 75–96; Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М., 2000. С. 130–136.

вместо Коростеня, то разгромленная столица древлян была в центре их территории, а новая – на северной окраине⁸⁸. Владимир Святославич раздал сыновьям Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, Тмутарокань-Таматарху, «древлян» (Овруч?)⁸⁹. Ни один из этих городов не был «племенным центром»⁹⁰.

Первые опорные пункты власти Рюриковичей располагались на окраинах территорий славянских общностей и в «межплеменных» контактных зонах⁹¹. Муром, Ростов и Суздаль на территории финских общностей мери и муромы как бы «заходят в тыл» вятичам на Оке⁹². Маленькая пограничная крепость Вла-

⁸⁸ Выбор Овруча мог быть обусловлен промышленно-экономическим фактором – производством изделий пиррофиллитового сланца («розового шифера»), на которые был спрос на всей территории Руси. См. подробнее: Томашевский А. П., Павленко С. В. Городища и укрепления средневековой Овручской волости // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 470–512; Томашевський А. П. Овруцький крає: комплексне вивчення та збереження історико-археологічної та палеоприродної спадщини (завдання, перспективи, структура проекту) // Археологія. Київ, 1998. № 2. С. 151–155; Веремейчик Е. М. Продукция овручской пиррофиллитовой индустрии на территории черниговского Полесья в X–XII вв. // ВЕДС. 2013: Вып. 25: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. С. 38–42.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

⁹⁰ Горский А. А. Политические центры восточных славян и Киевской Руси: проблемы эволюции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 157–162; Он же. От Славянского расселения... С. 85–94. Вопрос, кто в это время правил в Чернигове, Смоленске и Пскове, открыт. В Чернигове есть основания предполагать правление князя по имени Чернь, чье имя дало название «Черной могиле». Вещевой ансамбль этого погребения датируется концом X – началом XI в. (Шевченко Ю. Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999. (Сб. Музея антропологии и этнографии РАН. Т. LVII) С. 9–22; Щавелев А. С. Известие Ипатьевской летописи о Черной могиле...; Он же. Заметки о деталях погребения в кургане «Черная могила» // Слов'яне і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 353–355). Богатейшее погребение по обряду трупосожжения (скорее всего, в лодке: «Путь из варяг в греки и из грек...»). Каталог выставки ГИМ. М., 1996. С. 78; Петрухин В. Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в ранний средневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 360–369) ярко демонстрирует, как минимум, автономию этого правителя от Киева.

⁹¹ Именно в таких демографически «пустых» контактных зонах создавались первые эмпории ранней руси (Щавелев А. С. Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112–121).

⁹² Ни Ростов, ни Муром не были при этом центрами финских общностей мери и муромы, в лучшем случае они заняли места маленьких поселков финнов: Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 19–25, 271–288, 293; Чалых Н. Е. Археологические исследования в кремле г. Мурома // Задачи советской археологии в свете решений XVII съезда КПСС: Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1987. С. 270–271; Бейлекчи В. В. Исследования на Кремлевской горе Мурома // АО, 1998 г. М., 2000. С. 76–78; Бейлекчи В. В., Родин В. В. Поселения племена мурома (у истоков проблемы) // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов, 2004. С. 498–508.

димир-Волынский расположена так, чтобы закрывать западную границу⁹³. Ее расположение говорит, что этот город ограничивал с северо-запада территорию местного славянского населения, которое считалось киевскими князьями своим. Добавим, что Чернигов и Переяславль (основанный как раз Владимиром⁹⁴) находятся на северной и южной окраинах северян, беря их «в клещи». Туров вообще никак не связан с дреговичами, локализация которых не может быть достоверно установлена⁹⁵. Полоцк, если и был изначально связан с кривичами, то находился на торговом пути и был при Рогволоде уже развитым эмпорием⁹⁶. Исключение, естественно, составляют только Киев (ранее центр полян) и Новгород (находящийся в эпицентре расселения словен), которые были базовыми центрами для державы Рюриковичей.

В X в. держава Рюриковичей была сегментарной политией, основу которой составляли два медленно расширяющихся небольших территориальных «ядра» вокруг Киева и Новгорода. Вокруг них наращивалась подвижная периферия, с которой собиралась дань. Первая попытка наметить и поставить под контроль границы этой периферии была сделана только Владимиром Святославичем в конце X в.

В X в. Рюриковичи захватили и освоили территории словен, полян, древлян, возможно, и часть земель, где жили кривичи. Северяне, вятичи, радимичи, дреговичи к началу XI в. сохраняли автономию и ограниченный суверенитет территории, прямых или косвенных данных о завоевании их территорий нет. Это – вполне реальные общности в составе Древней Руси в начале XI в. Словене и северяне в первой трети XI в. фигурируют как этносоциальные группы древнерусского населения, близкие по своему положению к варягам или колбягам. Вятичи в XI в. – автономный периферийный социум. Политическая унификация территорий Руси и сложение древнерусской народности, в которой постепенно «растворялись» общности-предшественники, – процесс, который наметился с середины XI в. У нас нет оснований предполагать, что у князей Рюриковичей была необходимость как-то специально ассимилировать разнородные группы своих подданных в единую этнокультурную макро-общность, это происходило скорее стихийно, в процессе социально-политического развития Руси, а значит – достаточно медленно.

⁹³ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 42–44.

⁹⁴ Колибенко А. В. До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 153–158.

⁹⁵ Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы... С. 115, 120.

⁹⁶ Плавинский Н. А. Полоцк до Рогволода (некоторые вопросы хронологии и топографии) // Сложение русской государственности... С. 309–321; Дук Д. В., Коц А. Л. Новые археологические исследования на территории Заполотского посада древнего Полоцка (конец X – первая половина XII в.) // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 1–8; Еремеев И. В. Древности Полоцкой земли... С. 99–120.

Таблица

**Степень интеграции славянской общности в державу Рюриковичей:
структурный анализ данных**

Общность	Перв. пол. X в.	Сер. X в. (940–960 гг.)	Втор. пол. X в.	Перв. пол. XI в.
Словене	I-1/2/3. II-1/2. III-3/4.	I-3. II-1/2. III-3/4. IV	I-3. II-1/2. III-3/4. IV	I-3. II-1/2. III-3/4.
Кривичи	I-2. --- --- ---	I-1. II-1/2. III-1/4.	--- --- ---	--- --- ---
Поляне/ лендзяне	I-3. II-1/2. III-4.	I-3. II-1/2/3. 0.	--- --- ---	--- --- ---
Уличи	I-3. II-1/2. III-4.	III-1/2/3/4. V	--- --- ---	--- --- ---
Древляне	I-1. II-1. III-1/2/3/4.	I-3. II-1/2. III-4.	I-3. II-1/2. III-4.	--- --- ---
Северяне	I-1. II-1. III-1/2/3/4.	I-1. II-1. III-1/2/3/4 IV	--- --- --- V(?).	I-2. II-2. III-3/4.
Вятичи	--- --- ---	I-1. II-1 III-1/2/3/4. IV	I-1. II-1 III-1/2/3/4.	I-1. II-1 III-1/2/3/4.
Радимичи	--- --- ---	--- --- ---	I-3 II-1/2. III-4.	I-3 II-1/2. III-4.
Дреговичи	--- --- ---	I-1. II-1. III-4 (?).	--- --- ---	--- --- ---

Статус – I.
Данники – 1.
Союзники – 2.
Население захваченной территории – 3.
Отчуждено – II.
Материальные ресурсы (= дань и полюдь) – 1.
Территория (= захват) – 2.
Идентичность – 3.
Сохранено – III.

Ничего не сохранено – 0.
Территория и центры – 1.
Самоуправление и элита – 2.
Воинский контингент – 3.
Идентичность – 4.
Нет данных – ---.
Подчинение иному политическому субъекту или попытка найти такового – IV.
Успешная форма сопротивления – V.